

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

УДК 94(47).063

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

Стратегия Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.: «время В. Н. Татищева»

Д. А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

dariya4191@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется тем, что изучение взаимоотношений между центральными и местными властями в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссии) В. Н. Татищевым дает возможность проследить политику Кабинета министров на юго-востоке Европейской России во второй половине 1730-х гг. Цель работы заключается в изучении стратегии Кабинета в его взаимодействии с Сенатом на юго-востоке в 1737–1739 гг. *Материалы и методы.* Исследование построено на анализе документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива древних актов, Объединенного государственного архива Оренбургской области, Научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук, а также на основе изучения опубликованных законодательных и делопроизводственных материалов. Были использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы. *Результаты.* Проанализирована работа системы высших государственных учреждений – Кабинета министров и Сената на юго-восточном направлении в 1737–1739 гг. Выявлено изменение политики Кабинета после башкирского восстания 1735–1736 гг. *Выводы.* Во второй половине 1730-х гг. учреждений «Кабинет – Сенат» окончательно сложился в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей. Политика Кабинета министров на юго-восточном направлении при Татищеве приобрела более осторожный характер.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., Анна Иоанновна, Кабинет министров, Сенат, А. И. Остерман, В. Н. Татищев, Оренбургская экспедиция (комиссия), башкирские восстания 1730-х гг.

Для цитирования: Кривова Д. А. Стратегия Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.: «время В. Н. Татищева» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 5–19. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

The strategy of the Cabinet of Ministers in the south-east of European Russia in 1737–1739: “the time of V.N. Tatishchev”

D.A. Krivova

Samara National Research University, Samara, Russia

dariya4191@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the research is determined by the fact that the study of relations between the central and local authorities during the period of V.N. Tatishchev’s leadership of the Orenburg expedition (commission) makes it possible to trace the policy of the Cabinet of Ministers in the south-east of the European Russia in the second half of the 1730s. The purpose of the work is to study the strategy of the Cabinet in its interaction with the Senate in the south-east in 1737–1739. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of documents extracted from the fonds of the Russian State Archive of Ancient Acts, the United State Archive of Orenburg Region, the Scientific Archive of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, as well as on the study of published legislative and office records materials. The study utilized historical-genetic and comparative-historical methods. *Results.* The work of the system of higher state institutions – the Cabinet of Ministers and the Senate in the south-east in 1737–1739 is analyzed. The change in the policy of the Cabinet after the Bashkir uprising of 1735–1736 is revealed. *Conclusions.* In the second half of the 1730s, the mechanism of interaction between the “Cabinet-Senate” institutions was finally formed in favor of the Cabinet as the leading link in the system of central authorities. The policy of the Cabinet in the south-eastern direction under Tatishchev became more cautious.

Keywords: the 18th century Russian Empire, Anna Ioannovna, Cabinet of Ministers, Senate, A.I. Osterman, V.N. Tatishchev, Orenburg expedition (commission), Bashkir uprisings of the 1730s

For citation: The strategy of the Cabinet of Ministers in the south-east of European Russia in 1737–1739: “the time of V.N. Tatishchev”. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(2):5–19. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-1

Введение

В 1730-х гг. важнейшая роль в управлении государством принадлежала Кабинету министров. Так, его руководство приняло активное участие в организации в 1734 г. Оренбургской экспедиции – учреждения, направленного на укрепление юго-восточных рубежей и расширение экономических и дипломатических связей России со Средней и Центральной Азией.

Башкирское восстание 1735–1736 гг. стало ключевым эпизодом в деятельности Оренбургской экспедиции. Его последствия были настолько велики, что не только внесли существенные перемены в работу самой экспедиции, но и привели к изменению политики Кабинета министров на юго-восточном направлении в целом. Правительству пришлось временно отказаться от некоторых чрезвычайно амбициозных задач, поставленных еще в проекте Кирилова, например налаживания торгового пути в Индию, и в первую очередь сосредоточиться на поддержании стабильности в регионе – проведении мер по подавлению башкирских восстаний, упорядочению экономической ситуации, строительству крепостей для защиты населения от набегов кочевников.

Дореволюционные исследователи редко обращались к истории и работе Кабинета министров. Еще менее исследована его деятельность на юго-восточном направлении Европейской России. Чаще всего историки – такие как С. М. Соловьев [1, с. 198–690], В. О. Ключевский [2, с. 279–303], касались эпохи правления Анны Иоанновны в общем. Царствование императрицы напрямую связывали с режимом «бироновщины», подразумевавшим усиление роли иностранцев в управлении государством.

Советская историография царствования Анны Иоанновны в целом придерживалась традиционной точки зрения о «немецком засилье» при императрице. Например, М. И. Семин прямо заявлял, что Анна Иоанновна, питавшая «злобу и ненависть ко всему русскому», отдала власть «шайке немецких проходимцев». По его мнению, Кабинет министров представлял собой лишь инструмент влияния определенного круга лиц, с помощью которого они удовлетворяли свои личные интересы [3, с. 25–39].

Негативная оценка царствования Анны Иоанновны сохранялась в советской историографии вплоть до 1960-х гг. В дальнейшем историки пытались выявить и положительные стороны в изучаемой эпохе. Так, С. М. Троицкий полагал, что именно правительство Анны Иоанновны делало попытки навести порядок в финансовой сфере [4, с. 138].

В постсоветский период изучения рассматриваемого периода можно отметить всплеск интереса к царствованию императрицы. Среди вышедших исследований особо следует выделить труды Е. В. Анисимова [5, с. 236–262], И. В. Курукина [6, с. 225–269]. Примечательно, что эти историки в своих работах опровергали миф о засилье иностранцев в правящей элите.

Необходимо также отметить монографии Н. Н. Петрухинцева [7, 8], который является автором фундаментальных трудов, посвященных комплексному изучению внутренней политики Анны Иоанновны. В своих исследованиях автор приходит к заключению, что основным результатом царствования Анны Иоанновны была стабилизация системы, созданной Петром I.

Следует отметить, что вопрос управления территориями Кабинетом министров на юго-востоке частично рассмотрен в монографии историка А. В. Демкина [9, с. 176–196]. Исследователь пришел к выводу, что данный регион обладал своей спецификой. По его мнению, территория «Азиатской России» была в то время еще слабо освоена – отделенная от центра большими расстояниями, она находилась почти под полным контролем местных властей.

Деятельность Оренбургской экспедиции в 30–40-х гг. XVIII в. проанализирована в работе Ю. Н. Смирнова [10]. Так, он уделил особое внимание одному из самых ярких и талантливых ее руководителей – В. Н. Татищеву – в период его нахождения в Самаре. Автор доказал, что Татищев несколько отодвигал в сторону первоначальные стратегические замыслы Кирилова и все свои действия направлял на то, чтобы обосноваться и закрепиться в Самарском Заволжье – к примеру, способствовал увеличению людских ресурсов края, руководил расселением крещеных калмыков в основанном им Ставрополе.

Тем не менее проблема взаимоотношений между центральными и местными властями в 1730-х гг. по-прежнему нуждается в изучении, поскольку полноценного исследования по взаимодействию Кабинета министров и местных структур так и не написано.

В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы проследить то, какова была стратегия Кабинета министров на юго-восточном направлении в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) Татищевым. Кроме того, необходимо исследовать и роль Сената в данном вопросе, поскольку этот государственный орган продолжал сохранять высокое значение в системе государственных учреждений 1730-х гг.

Хронологические рамки исследования ограничены 1737 г. – первой половиной 1739 г. В это время Оренбургскую экспедицию возглавлял В. Н. Татищев. С его именем связан новый этап во взаимоотношениях центральных и местных государственных структур на юго-восточном направлении, и именно он способствовал завершению башкирского восстания 1735–1736 гг.

Источниковая база работы представлена архивными и опубликованными материалами. Нами были изучены документы Российского государственного архива древних актов, Объединенного государственного архива Оренбургской области, а также Научного архива Уфимского научного центра РАН.

Роль Кабинета на юго-востоке проявляется в делах фонда Российского государственного архива древних актов «Кабинет министров, г. Санкт-Петербург» (№ 177) [11–13]. Документация Кабинета дает возможность проследить, как именно этот высший государственный орган занимался координацией основных задач в данном крае.

Материалы фонда «Сенат и его учреждения» (№ 248) [14] позволили проанализировать донесения Татищева в Сенат по хозяйственным вопросам экспедиции (комиссии). Примечательно, что сенатские материалы могли быть отправлены с запросом в Кабинет или же просто дублироваться в этом учреждении для ознакомления.

Благодаря материалам фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области «Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии 1734–1737 гг.» (№ 1) [15], «Канцелярия Оренбургской комиссии, г. Самара Оренбургской губернии 1737–1744 гг.» (№ 2) [16] была выявлена панорама взаимоотношений между Кабинетом министров, Сенатом и руководящими лицами Оренбургской экспедиции (комиссии), Комиссии башкирских дел – И. К. Кириловым, В. Н. Татищевым, Л. Я. Соймоновым.

Что касается материалов Научного архива Уфимского научного центра РАН, здесь нами был рассмотрен фонд личного происхождения уфимского краеведа Д. С. Волкова (№ 23) [17] по истории башкирских восстаний 1730-х гг. К сожалению, нужные документы не дают полного представления о рассматриваемой теме.

Опубликованные материалы включают в себя внутренние документы Кабинета министров [18–21], вышедшие в сборниках Императорского Русского исторического общества под редакцией А. Н. Филиппова. Они включают в себя журналы Кабинета, а также приложения к ним в виде именных указов, сообщений, резолюций Кабинета.

Необходимо упомянуть и шестой том «Материалов по истории Башкортостана» [22], в котором содержится ценная информация по действиям центральных и местных властей, направленных на прекращение башкирских восстаний.

Итак, изучение вышеизложенных источников позволяет нам выявить стратегию Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг.

Основная часть

В январе 1737 г., когда башкирская проблема казалась решенной, в Кабинет поступили рапорты от генерала-майора князя Репнина и полковника Беклемишева о постоянных нападениях казахов (их также называли киргиз-кайсаками) на русские поселения и калмыцкие улусы под Царицыном [15, л. 18–20 об.]. В такой ситуации, опасаясь усиления новых враждебных сил на юго-востоке, министры в феврале того же года предлагали Кирилову, в случае если с казахами не получится договориться, дать возможность башкирам совершить на них нападение. Как известно, по словам Татищева, казахи и раньше собирались с ними воевать [15, л. 14–15].

В условиях относительно мирной обстановки на юго-восточном направлении перемены коснулись руководства Башкирской комиссии. По распоряжению Кабинета 25 января 1737 г. ее начальнику Ф. С. Хрущеву было приказано отправиться на Украину в связи с продолжающейся Русско-турецкой войной. Вместо него на освободившийся пост решено было поставить астраханского вице-губернатора Л. Я. Соймонова [15, л. 12].

Сам же Кирилов выступил против предложения Кабинета, основанного на мнении Татищева, заменить сбор штрафных лошадей с башкир на службу в Азовском походе против турок [22, с. 378–379]. Возможно, он опасался, что башкиры вновь могли взбунтоваться.

Подозрения Кирилова подтвердились – в апреле 1737 г., получив сведения о новых выступлениях среди башкир, Кабинет рекомендовал Кирилову отложить отправление башкирского войска на службу и прежде всего казнить главных башкирских бунтовщиков, чтобы не допустить расширения восстания [15, л. 63–64].

Ситуация на юго-восточном направлении вскоре осложнилась еще и тем фактом, что Кирилов заболел и умер в Самаре 14 апреля 1737 г. По указу кабинет-министров от 7 мая того же года временное руководство Оренбургской экспедицией возлагалось на полковника Бахметьева [15, л. 70].

Однако именным указом императрицы от 10 мая 1737 г. дело Оренбургской экспедиции перешло к Татищеву, одновременно пожалованному в тайные советники [12, л. 139]. Исследователи неоднократно отмечали, что таким образом правительство Анны Иоанновны пыталось избавиться от неудобного чиновника, вызвавшего недовольство фаворита Э. И. Бирона [10, с. 64].

Бесспорно, Татищев – историк, географ, экономист, инженер-артиллерист – являлся знаковой фигурой своего времени. Еще с 1720 г. он имел опыт руководства металлургическими заводами на Урале, был знаком с национальной спецификой на юго-востоке. За то короткое время, что Василию Никитичу довелось провести в роли начальника Оренбургской экспедиции, изменилась стратегия местного руководства на юго-восточном направлении – можно сказать, она стала более гибкой и осторожной. В этой связи интересны его взаимоотношения с Кабинетом – насколько министры поощряли инициативы его проектов, оказывали ли финансовую поддержку.

Следует подчеркнуть, что во второй половине 1730-х гг. роль Кабинета в государственных делах постепенно возрастает. А. В. Фаизов отмечал, что 1735–1740 гг. можно считать «периодом расцвета» Кабинета, когда политическая линия правления Анны Иоанновны разрабатывалась именно в этом учреждении [23, с. 51].

Это не могло не сказаться и на политике Кабинета на юго-восточных территориях. Если ранее весомое значение в государственных вопросах явно принадлежало Сенату – от сенаторов исходило множество важных указов, руководители экспедиции отправляли свои рапорты именно в Сенат, то в 1737 г. и особенно в 1738 г. большинство донесений Татищева, а также Ф. С. Хрущева и Л. Я. Соймонова шли напрямую в Кабинет [22, с. 530, 548, 589].

По именному указу императрицы, данному из Кабинета, от 9 июня 1737 г. Татищеву поручили заняться окончательным подавлением башкирского восстания. В связи с этой проблемой в Мензелинске нужно было организовать совещание, на котором требовалось присутствие наиболее влиятельных персон из местного руководства [24, с. 169].

По прибытии 14 июля в Мензелинск Татищев, а также уфимский воевода Шемякин, генерал-майор Соймонов, полковники Тевкелев и Бардукевич провели генеральное совещание, итоги которого подведены в экстракте, переданном Кабинетом на усмотрение Сената 13 августа 1737 г. В нем сказано, что для «определения башкир под разные суды» следовало отделить городок Осу, а также основать Красноуфимскую крепость и особую Исетскую провинцию [16, л. 16–16 об.]. Таким образом, Красноуфимская крепость и Осинский городок становились пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, которые назначались Сенатом [25, с. 141].

Приехав в Самару по окончании Мензелинского совещания, Татищев сразу обратил внимание на ошибки предшествующего управления. В своем письме И. А. Черкасскому Василий Никитич писал, что, приступив к делам, обнаружил, что Оренбургскую экспедицию, «как видно по обману Тевкелева и Кирилова, для чаемого великого прибытка начали» [26, с. 37–38].

Тайный советник критиковал Кирилова в том, что нужного канцелярского порядка, основанного на уставе, не было установлено; протокол и журнал не велись как следует, списков служащих с их окладами не существовало [1, с. 601].

Вследствие этой обнаруженной проблемы кабинет-министры от 25 сентября 1737 г. объявили о сборе «из всех мест ведомостей» о расходе на Оренбургскую комиссию денег, провианта и прочих припасов с сообщением о том Василию Никитичу [18, с. 583].

Финансовый вопрос Оренбургской экспедиции по-прежнему оставался одним из самых важных. В этой связи следует особо отметить объявленное из Кабинета Сенату сообщение от 10 ноября 1737 г., где говорилось, что Татищевым было получено уже 50 тыс. рублей, из которых потратили 35 тыс. Остальные деньги должны были пойти на уплату за майскую треть жалованья и подряженный провиант – в итоге в ближайшем будущем на эти нужды платить было не из чего. Поэтому министры приняли решение выделить Василию Никитичу еще 50 тыс. руб. на потребности экспедиции [18, с. 672].

Кроме того, начальник Оренбургской экспедиции сделал вывод, что местность для строительства Оренбурга была выбрана Кириловым неудачно. Она ежегодно подвергалась затоплению, и потому крепость следовало строить на другом, более возвышенном месте [1, с. 601]. Обратившись в Сенат, Василий Никитич смог доказать целесообразность переноса Оренбурга. Для поисков нового участка для возведения города была отправлена специальная

команда инженер-майора Ратиславского, которая предложила поместить его возле урочища Красная Гора [27, с. 55]. Но Кабинет тем не менее рекомендовал не торопиться с переносом и строительством Оренбурга из-за опасности нападений кочевавших поблизости казахов.

Поэтому, учитывая недавние башкирские выступления, министры советовали Татищеву сначала привести местные дела в порядок и добиться окончательного «замирения» башкир [16, л. 42–45].

В целом же при Василии Никитиче продолжалось активное строительство крепостей, начатое его предшественником Кириловым. По сведениям Р. Г. Букановой, в период руководства Татищевым Оренбургской экспедицией (комиссией) были заложены следующие крепости – Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская, Сорочинская – на р. Самаре; Татищева пристань, Чернореченская, Бердская, Губерлинская – на р. Яик; Мочинская крепость в двадцати верстах южнее Самары, Ставрополь-на-Волге – для удержания калмыков за Волгой [25, с. 144].

Тем временем башкирская проблема по-прежнему являлась поводом для беспокойства властей. Судя по сообщению из Сената в Кабинет в августе 1737 г., взбунтовавшиеся башкиры в своих набегах действовали сообща с каракалпаками и казахами и собирались «идти до Казани» [18, с. 519–520].

Татищев не мог оставить без внимания башкирский вопрос. Проведя переговоры в начале января 1738 г. с башкирскими старшинами, выслушав их жалобы и предложения, Василий Никитич выработал ряд предложений по башкирской проблеме, которые изложил в своем донесении в Кабинет от 22 января 1738 г. [8, с. 549]. Одним из его ключевых положений была идея о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников [22, с. 531–535].

Кроме того, в отличие от Кирилова Татищев настаивал на необходимости более мягкого обращения с башкирами в целом. Так, в своем письме от 9 января 1738 г. Остерману и Черкасскому Василий Никитич признался, что помиловал руководителей восстания – Кильмяка, Юсупа и Акая [22, с. 530–531].

Предложения Татищева нашли одобрение у Кабинета министров. В данном случае интересно ознакомиться с резолюциями А. И. Остермана на экстракт, составленный в Кабинете из донесения Татищева от 22 января 1738 г. Андрей Иванович последовательно дал по каждому пункту сообщения свои комментарии. В частности, он согласился с тезисом Василия Никитича о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников, но заодно решил узнать и мнение Сената по данному вопросу. Любопытно, что Остерман сомневался в правоте Татищева относительно прощения предводителей восстания. Однако, хотя вице-канцлер полагал, что башкир следовало казнить, он все же подтвердил решение тайного советника [22, с. 537–539]. Вполне возможно, что Остерман просто не мог открыто выступить против помилования и поддержал Татищева вынужденно.

Итак, 17 марта 1738 г. по указу Кабинета на имя Татищева были приняты решения о сборе в башкирских жилищах ясака их старшинами, а не целовальниками и ясачниками. Вместе с тем в соответствии с советами Татищева Кабинетом был принят ряд мер, суть которых заключалась в налаживании отношений с башкирами – было определено дать им подводы наравне с мещеряками, чувашами и черемисой; помиловать предводителей восстания; отпустить штрафы и ясак тем башкирам, которые пока не были в состоянии их

выплатить, со взятием с них в том поруки [16, л. 33–35 об.]. Примечательно, что 17 марта Сенату было приказано немедленно прислать свое мнение в Кабинет по донесению Татищева [16, л. 36–36 об.].

Предпринятые меры оказали положительное воздействие на ситуацию с башкирами. В июне 1738 г. в Кабинет поступило сообщение от Татищева о том, что башкиры перестают бунтовать и приводят штрафных лошадей [20, с. 64]. Однако делать вывод о полном прекращении выступлений все равно было нельзя – время от времени они продолжали то возобновляться, то затихать вплоть до 1740 г.

Башкирские восстания наложили свой отпечаток и на экономическую ситуацию в юго-восточном крае. Заметно, что правительство готово было пойти навстречу местным жителям, понесшим убытки от набегов. 12 мая 1737 г. Кабинет одобрил доклад Сената о невзыскании доимок с жителей Бахмутской и Уфимской провинций, разоренных башкирами [24, с. 145–146]. В июле того же года министры утвердили резолюцию на сообщение Сената о разрешении оренбургским соляным промышленникам беспощадно торговать разными товарами в уважение понесенных ими убытков от башкир [24, с. 210–214].

Между тем на юго-востоке дала знать о себе угроза со стороны казахов. Еще в декабре 1737 г. царицынский комендант Кольцов писал в Сенат об опасности появления казахов на Волге между Астраханью и Царицыным и в качестве меры предосторожности просил выслать дополнительный драгунский полк в его команду. Однако Сенат отказал Кольцову в просьбе и отправил свое решение в Кабинет для ознакомления [11, л. 9–9 об.].

Вскоре положение усугубилось тем, что хан Младшего казахского жуза Албухаир предложил российскому правительству свою помощь в подавлении башкирских волнений. Но, получив разрешение властей на вступление со своим войском в Башкирию, хан стал разорять ее земли, не разделяя мирных жителей от бунтовщиков [28, с. 23–24]. Ситуацию осложнял и тот факт, что часть орды Албухаира грабила не только башкир, но и волжских калмыков и русское население. Эти события вызвали ответную реакцию министров, объявивших 6 февраля 1738 г. указ Татищеву, где говорилось о том, чтобы перешедших Волгу казахов немедленно нужно задержать [16, л. 1–1 об.].

Весной 1738 г. положение еще более осложнилось – в донесении в Кабинет от 9 мая Татищев признавал, что «башкиры начали новые нападения чинить». К тому же в это время хан Албухаир сговорился с башкирскими старшинами и стал открыто проявлять враждебное отношение к России [17, л. 72]. Так, в конце апреля 1738 г. хан вместе с башкирами подошел к Оренбургу и объявил город своим [28, с. 25].

Эта новость вызвала сильное недовольство Кабинета, поскольку угроза нависла над Оренбургом, который нужно было сохранить во что бы то ни стало. Тогда 22 июня 1738 г. министры приказали Татищеву немедленно ехать к крепости, чтобы остановить Албухаира [17, л. 50–51 об.]. В июле 1738 г. министры в достаточно резкой форме отметили, что Татищев и Соймонов «в искоренении воров не так поступают, как надлежало» [16, л. 52–53 об.].

Так как действия казахов коснулись и калмыков, в стороне не мог остаться и калмыцкий хан Дондук Омбо, решивший отомстить казахам «за учиненные обиды». В этих обстоятельствах министры советовали Татищеву

действовать максимально осторожно. Они признавали, что в условиях Русско-турецкой войны ссоры между калмыками и казаками были совсем не выгодны. Любопытно, что в мае 1738 г. Кабинет рекомендовал Татищеву уговорить Дондук Омбо отказаться от посылки калмыцких войск против казахов «якобы от себя, а не по указу» [16, л. 46–46 об.].

Впоследствии, когда Албухаир уже стал представлять реальную угрозу для Оренбурга, мнение Кабинета изменилось. В июне 1738 г. в указе говорилось, что, если казахский хан действительно вступил в союз с башкирами, нужно было помочь калмыцкому хану. Но если же Албухаир остался верен российскому правительству, в это дело не стоило вмешиваться [16, л. 51 об.].

Вследствие этого Татищев поспешно отправился в поход и приехал в Оренбург 15 июля 1738 г., куда спустя две недели прибыл и Албухаир. В результате сложных длительных переговоров, в которых тайный советник принимал первостепенное участие, присяга казахского хана была подтверждена повторно [28, с. 27].

В июле 1738 г., когда проблема с казахским ханом уже была решена, Кабинетом было решено отпускать деньги Татищеву «без всякого замедления». Незадолго до этого Василий Никитич жаловался, что в финансовых средствах очень стеснен – поэтому и к Оренбургу приехал не так быстро, как было нужно. В столице понимали, что, если по его требованию не ускорить выдачу денег, Оренбургская экспедиция, которая к тому времени была переименована в комиссию, может прекратить свое существование [20, с. 88].

Отсюда следует, что, несмотря на недавний выговор, министры по-прежнему готовы были предоставлять Василию Никитичу материальную поддержку. Более того, они продолжали доверять ему и непростые дипломатические задачи. К примеру, по именному указу от 16 сентября 1738 г. министры не дали точного ответа относительно просьбы казахов позволить им отомстить башкирам. Они, с одной стороны, признавали, что государству выгодно, если при помощи казахов взбунтовавшиеся башкиры были бы наказаны, с другой стороны, понимали – казахи могли навредить и верным башкирам. Поэтому в этом вопросе министры полностью полагались на мнение Татищева, поскольку именно он назначен «главным командиром» на юго-восточной окраине [24, с. 611–616].

Таким образом, по действиям правительства заметно, что его цель заключалась в недопущении военных конфликтов между местными народами юго-востока. Проводником этой политики как раз и выступал Татищев как начальник Оренбургской экспедиции (комиссии) [29, с. 508].

Однако в первых числах января 1739 г. ситуация изменилась – по приказу императрицы Татищев приехал в столицу на первый взгляд для того, чтобы отчитаться о своей деятельности в юго-восточном крае [30, с. 41–42].

Казалось бы, кабинет-министры по-прежнему готовы были оказывать поддержку Василию Никитичу. В пользу этого факта говорит указ от 8 марта 1739 г., по которому отдельно Татищеву было приказано выделить 12 тыс. руб., а также отправить в Самару 30 тыс. с Екатеринбургских заводов и 20 тыс. из Сибирской губернии [21, с. 228–229].

Однако энергичной деятельности Татищева на юго-востоке все же пришел конец. Буквально вслед за ним в Санкт-Петербург отправился Тевкелев

с доносом. Василия Никитича обвиняли во взятках, присвоении жалованья, определенного киргизскому хану и старшинам, и т.д. [30, с. 290].

В январе 1739 г. Сенату был направлен именной указ, контрассигнованный кабинет-министрами о начале расследования о работе Василия Никитича в связи с жалобами на него и полковника Орлова от капитана Петра Калачева [21, с. 24]. А уже 27 мая 1739 г. по приказу министров была создана комиссия для расследования по делу Татищева. Основной состав этой комиссии исходил из Кабинета, от Сената же требовалось определить еще двух членов из различных коллегий [21, с. 510–511].

Хотя официально Василий Никитич был арестован в связи с жалобой Тевкелева, вероятно, в этом сложном деле не обошлось без интриг Э. И. Бирона. Трудно поверить в то, что Тевкелев мог самостоятельно выступить против такой видной фигуры, как Татищев, до этого располагавшей почти полной поддержкой Кабинета – Остермана, Черкасского и, по словам Н. Н. Петрухинцева, скорее всего, А. П. Волынского, так как с ним самим и его «конфидентами» Татищев якобы поддерживал хорошие отношения [8, с. 585]. Вряд ли министров не устраивало качество работы Татищева – на первый взгляд, они, наоборот, ценили его опыт, а также неоспоримые таланты и потому нередко полагались на его мнение в трудных вопросах.

Любопытную информацию содержит челобитная Татищева, поданная на имя императрицы в 1739 г. В этом документе Василий Никитич жаловался, что серьезную роль в его плачевном положении сыграл министр Волынский, имевший на него «старую злобу». По словам Татищева, как раз по «проискам Волынского» был учрежден над ним суд, в состав которого входили «некоторые приятели» министра, что не могло способствовать тому, чтобы судебное решение было справедливым [13, л. 52–53].

Однако в 1744 г. в своих письмах князю И. А. Черкасову Василий Никитич уже пишет, что именно Бирон «ища себе надлежащей власти и силы» решил, что Татищев мешал ему в похищении доходов от сибирских заводов и искал разные способы от него избавиться [26, с. 42].

Как бы там ни было, новым руководителем Оренбургской комиссии указом Кабинета от 17 июня 1739 г. был назначен советник Адмиралтейской коллегии В. А. Урусов, одновременно произведенный в генерал-поручики [21, с. 564–565].

Заключение

Итак, обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. В 1737–1739 гг. роль Кабинета министров на юго-восточном направлении приобретает более весомый и активный характер. Механизм работы учреждений «Кабинет – Сенат» окончательно складывается в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей Российской империи. Подавляющее большинство документов по назначению руководящих лиц, финансовой поддержке, процессу подавления башкирских восстаний, секретным дипломатическим распоряжениям исходит именно из Кабинета. Если в первой половине 1730-х гг. Кабинет занимался координацией наиболее серьезных вопросов, а с второстепенными задачами вполне справлялся Сенат, то примерно с 1737 г. учащаются случаи, когда Сенат отправляет основные бумаги на резолюцию министрам. Бывало, что и Кабинет спрашивал совета

у Сената, но даже в таких случаях решающее слово все же оставалось за кабинет-министрами.

Башкирское восстание 1735–1736 гг. не могло пройти бесследно для экономической политики Кабинета на юго-востоке. Правительство понимало, что за годы борьбы с башкирами местное население, в том числе и русское, истощено финансово, а потому нуждается в особом подходе. Нельзя забывать и то, что регион являлся многонациональным, а потому возможные противоречия между русским населением и народами юго-восточной окраины могли представлять серьезную угрозу для Российской империи.

1737 – начало 1739 гг. связаны с личностью Татищева в качестве руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии). Оказавшись на такой непростой должности, Татищев со свойственной ему энергичностью стремился объять многое – пытался урегулировать отчетность, находившуюся в запущенности при Кирилове, собирался перенести Оренбург на другое место, предпринимал меры по подавлению башкирских восстаний, курировал вопросы дипломатии. Удаленность юго-восточной окраины от центра в ряде случаев способствовала тому, что Василий Никитич был вынужден действовать самостоятельно. Не исключено, что иногда подобная инициатива могла быть выгодна министрам, поскольку снимала ответственность с центральных властей за принятие сложных решений. По резолюциям кабинет-министров на рапорты Татищева заметно, что они относились с вниманием к его инициативам, ценили его точку зрения и готовы были обеспечить ему материальную поддержку. Однако в конце концов в 1739 г. из-за придворных интриг Василий Никитич все же оказался под следствием, а его дело на посту руководителя Оренбургской комиссии было продолжено В. А. Урусовым.

В целом можно сказать, что стратегия Кабинета министров на юго-восточном направлении при Татищеве приобрела более обдуманый и осторожный характер. Учитывая предыдущие ошибки, обернувшиеся башкирским восстанием 1735–1736 гг., министры видели главную цель в мирном сосуществовании русского населения с местными народами и постепенном продвижении российского влияния далее на юго-восток.

Список литературы

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1963. Кн. 10. 786 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 4. С. 279–304.
3. Семин М. И. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25–39.
4. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. : Наука, 1966. 275 с.
5. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
6. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : Частный издатель П. А. Трибунский, 2003. С. 225–269.
7. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота : монография. СПб. : Алетей, 2001. 352 с.
8. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740) : монография. М. : РОССПЭН, 2014. 1062 с.

9. Демкин А. В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731–1740 гг. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. 254 с.
10. Смирнов Ю. Н. Оренбургская (комиссия) экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара : Самарский университет, 1997. 190 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. Д. 49.
12. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 68.
13. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107.
14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134.
15. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
16. ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.
17. Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1.
18. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО) : в 148 т. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 6. 1737 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1904. 850 с.
19. СИРИО : в 148 т. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 7. Январь – июнь 1738 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1905. 584 с.
20. СИРИО : в 148 т. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 8. Июль – декабрь 1738 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1906. 590 с.
21. СИРИО : в 148 т. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Ч. 9. Январь – июнь 1739 г. Юрьев : Типография К. Матисена, 1907. 666 с.
22. Материалы по истории Башкортостана : в 6 т. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Китап, 2002. 768 с.
23. Фаизов А. В. Делопроизводственная документация Кабинета министров в 1731–1741 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 38–48.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 50 т. Т. X. 1737–1739 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 990 с.
25. Буканова Р. Г. Города-крепости России юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 253 с.
26. Пекарский П. П. Новые известия о Татищеве. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1864. 66 с.
27. Сафонов Д. А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург : Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
28. Добросмыслов А. И. Тургайское управление. Исторический очерк. Вып. 3. Тверь : Типо-лит. Н. М. Родионова, 1902. 524 с.
29. Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 3. С. 494–524.
30. Носкова О. Л. В. Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 5. С. 287–291.

References

1. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn. = History of Russia from ancient times: in 15 books*. Moscow: Sotsekgiz, 1963;(bk. 10):786. (In Russ.)
2. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. = Essays: in 9 volumes*. Moscow: Mysl', 1989;4:279–304. (In Russ.)
3. Semin M.I. Biron influence period. *Istoricheskiy zhurnal = Historical journal*. 1938;(4):25–39. (In Russ.)
4. Troitskiy S.M. *Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII veke = Financial policy of Russian absolutism in the 18th century*. Moscow: Nauka, 1966:275. (In Russ.)
5. Anisimov E.V. *Rossiya bez Petra: 1725–1740 = Russia without Peter: 1725–1740*. Saint Petersburg: Lenizdat, 1994:496. (In Russ.)
6. Kurukin I.V. *Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg. = The era of “court storms”: essays on the political history of post-Peter Russia, 1725–1762*. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy, 2003:225–269. (In Russ.)
7. Petrukhintsev N.N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota: monografiya = The reign of Anna Ioannovna: formation of the domestic policy and the fate of the army and navy: monograph*. Saint Petersburg: Aleteyya, 2001:352. (In Russ.)
8. Petrukhintsev N.N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740): monografiya = Domestic policy of Anna Ioannovna (1730–1740): monograph*. Moscow: ROSSPEN, 2014:1062. (In Russ.)
9. Demkin A.V. *Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny i upravlenie territoriyami Rossiyskoy imperii. 1731–1740 gg. = The Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna and the administration of the territories of the Russian Empire. 1731–1740*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021:254. (In Russ.)
10. Smirnov Yu.N. *Orenburgskaya (komissiya) ekspeditsiya i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII veka = Orenburg (commission) expedition and the annexation of the Trans-Volga region to Russia in the 30–40s of the 18th century*. Samara: Samarskiy universitet, 1997:190. (In Russ.)
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 177. Op. 1. D. 49 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 49*. (In Russ.)
12. *RGADA. F. 177. Op. 1. D. 68 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 68*. (In Russ.)
13. *RGADA. F. 177. Op. 1. D. 107 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177. Item 1. File 107*. (In Russ.)
14. *RGADA. F. 248. Op. 17. D. 134 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Item 17. File 134*. (In Russ.)
15. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAEO). F. 1. Op. 1. D. 5 = United State Archive of Orenburg region. Fund 1. Item 1. File 5*. (In Russ.)
16. *OGAEO. F. 2. Op. 1. D. 3 = United State Archive of Orenburg region. Fund 2. Item 1. File 3*. (In Russ.)
17. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. F. 23. Op. 1. D. 1 = Scientific Archive of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Fund 23. Item 1. File 1*. (In Russ.)
18. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (SIRIO): v 148 t. T. 117. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 6. 1737 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 117. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 6. 1737*. Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1904:850. (In Russ.)
19. *SIRIO: v 148 t. T. 120. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 7. Yanvar' – iyun' 1738 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 120. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress*

- Anna Ioannovna 1731–1740. Part 7. January – June 1738.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1905:584. (In Russ.)
20. *SIRIO: v 148 t. T. 124. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 8. Iyul' – dekabr' 1738 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 124. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 8. July – December 1738.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1906:590. (In Russ.)
 21. *SIRIO: v 148 t. T. 126. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. Ch. 9. Yanvar' – iyun' 1739 g. = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 126. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna 1731–1740. Part 9. January – June 1739.* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1907:666. (In Russ.)
 22. Demidova N.F. (comp.), Ustyugov N.V. (ed.). *Materialy po istorii Bashkortostana: v 6 t. T. 6. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. = Materials on the history of Bashkortostan: in 6 volumes. Volume 6. Orenburg expedition and Bashkir uprisings of the 30s of the 18th century.* Ufa: Kitap, 2002:768. (In Russ.)
 23. Faizov A.V. Office documentation of the Cabinet of Ministers in 1731–1741. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences.* 2019;(3):38–48. (In Russ.)
 24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.: v 50 t. T. X. 1737–1739 gg. = Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. From 1649 to December 12, 1825: in 50 volumes. Volume 10. 1737–1739.* Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830:990. (In Russ.)
 25. Bukanova R.G. *Goroda-kreposti Rossii yugo-vostoka Rossii v XVIII veke: Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii = Fortress cities of Russia in the south-east of Russia in the 18th century: History of the formation of cities on the territory of Bashkiria.* Ufa: Kitap, 1997:253. (In Russ.)
 26. Pekarskiy P.P. *Novye izvestiya o Tatishcheve = Tatishchev proceedings.* Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1864:66. (In Russ.)
 27. Safonov D.A. *Nachalo Orenburgskoy istorii (Sozdanie Orenburgskoy gubernii v seredine XVIII veka) = The beginning of Orenburg history (creation of the Orenburg province in the middle of the 18th century).* Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 2003:92. (In Russ.)
 28. Dobrosmyslov A.I. *Turgayskoe upravlenie. Istoricheskiy ocherk. Vyp. 3 = Turgai administration. Historical essay. Issue 3.* Tver: Tipo-lit. N.M. Rodionova, 1902:524. (In Russ.)
 29. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. The influence of the Russian-Turkish War of 1735–1739 on the development of relations between the Empire and the Nomadic people of the South Urals and Central Asia (based on materials from the Orenburg expedition). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of RUDN. Series: History of Russian.* 2019;(3):494–524. (In Russ.)
 30. Noskova O.L. V.N. Tatishchev – statesman, military man, scientist (on the 325th anniversary of his birth). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2011;13(5):287–291. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дарья Анатольевна Кривова

аспирант, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(Россия, г. Самара, ул. Академика
Павлова, 1)

Daria A. Krivova

Postgraduate student,
Samara National Research University
(1 Akademika Pavlova street, Samara,
Russia)

E-mail: dariya4191@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 22.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 03.03.2025